

116. Бѣдной и богатой.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два брата, бѣдной и богатой. У бѣднаго родился большой баранъ и убилъ барана у богатаго. Сей пошелъ жаловаться царю. Онъ обѣщаль разсудить ихъ, если они будутъ отвѣчать на его вопросы: 1) Что всего сильнѣе на землѣ? Имъ дано время для разсужденія. Бѣдной впаль въ сильное уныніе и говорилъ дома, что его повѣсятъ. Дочь отвѣчала: „батюшко, лежись да спи сегодня. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“ Предстали братья для отвѣта; богатой говорилъ: „у меня есть быкъ, девяти лѣтъ; его, я думаю, нѣтъ ничего сильнѣе“. Бѣдной (по наученію дочери): „земля всего сильнѣе“. 2) „Что всего быстрѣе?“— Бѣдный говорилъ: „ой, что и будетъ, знать то, смерти не миновать“. Дочь говорила: „батюшко, лежись сегодня, да спи. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“—Богатой отвѣчалъ: „у меня есть ружье, которое въ одну минуту беретъ на сто сажень“.—Бѣдный: „нѣтъ ничего быстрѣе твоего взора и человѣческаго“.—Царь узналъ о мудрости дочери, пріѣхалъ въ домъ бѣднаго и спрашивалъ навстрѣчу попавшуюся дочь крестьянина: 1) „Почему вы не встрѣчали меня?“—„У насъ нѣтъ собаки, которая бы предвѣщала о приходѣ людей“, говорила она. 2) „Гдѣ твой отецъ и мать?“—„Отецъ ушелъ за живою смертію, а мать ушла взаемъ плакать“.—„Что это значитъ?“ „Отецъ ушелъ стрѣлять птицъ: птица, будучи жива и здорова, не знаетъ и не предполагаетъ своей смерти, какъ вдругъ засыпаетъ и падаетъ. Мать въ сосѣдяхъ у покойницы на выносѣ: когда она поплачетъ, то и къ ней послѣ придутъ и поплачутъ“.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

117. Мотросилко.

Жили да были два брата, одинъ умный и кузнецъ, а другой не умный и не дуракъ. Первый коваль, а второй мѣхи раздувалъ. Сей усталъ или, лучше, залѣнился и захотѣлъ пошутить, а мимо ихъ вели двое крестьянъ быка. Онъ говоритъ: „братъ, надо ли, я этого быка украду?“ — „Какъ?“ — „Отпусти только пожалуста“. — „Поди!“ Мотро-

силко былъ въ новыхъ сапогахъ. Онъ забѣжалъ подалѣе тѣхъ крестьянъ, сбросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне посмотрѣли на сапогъ и оставили. Мотросилко подобралъ его и опять забѣжалъ далѣе къ лѣску и лужку, бросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне подобрали сапогъ и разговаривали: „ли-ко—другой, напрасно тотъ не взяли. Остановимся здѣсь, а ты поди сходи за тѣмъ“. Одинъ ушелъ, а другой зазѣвался. Мотросилко умчалъ быка, отрѣзалъ голову и воткнулъ въ болото, а самъ мычалъ по-бычи. Крестьяне прибѣжали и тянули быка, думая, что онъ увязъ. Послѣ съ горести объявили о семъ купцу, которому они вели быка. Сей пошелъ жаловаться судѣ. Мотросилко найденъ и сознался. Судья сказалъ: „я тебя прощу, только отмсти моему непріятелю такому-то, украдь хоть изъ подъ него перину“. Мотросилко начинилъ кишку и ночью ревѣлъ у дома того по-кошечьи. Лакей, не желая обеспокоить барина, сталъ, отворилъ двери и говоритъ: „иди, шельма, что ты ревешь!“—Онъ прокрался, подошелъ къ кровати и испустилъ изъ кишки, наливъ подъ барина. Сей скоро пробудился и, не терпя запаху, кричалъ: „лакей, убери перину“. Мотросилко унесъ и убѣжалъ съ нею. Его похвалили и просили сдѣлать еще шутку — унести со стола богатаго все кушанье при гостяхъ. Мотросилко запрегъ четверку лошадей въ карету, посадилъ въ нее и на козла наряженные снопы и подѣхалъ къ дому. Самъ вмѣсто лакея убѣжалъ сказать, что пріѣхалъ генералъ Н. Всѣ вышли встрѣчать, а онъ на столѣ все свернулъ и унесъ. Просили его сдѣлать шутку надъ духовнымъ. Онъ зналъ одного набожнаго человѣка; поддѣлалъ себѣ большія лубяныя крылья, на крыльца повѣсилъ большой коробъ съ сажеею и ночью прилѣзъ къ окошку. Стучится, а тотъ спрашиваетъ: „кто и что надо?“ Онъ отвѣчалъ: „я духъ, посланъ съ неба за тобою. Молись—не молись, а иди сюда, садись и полетимъ“. Тотъ вышелъ и сѣлъ. Мотросилко говоритъ: „смотри не п . . . , а нето брошу“. Онъ тащилъ его на колокольню, оттуда бросилъ внизъ. Послѣ привязалъ коробъ на площадь и скрылся. Проѣзжалъ мимо этого мѣста знатной человѣкъ, открылъ коробъ, изъ котораго выскочилъ человѣкъ весь въ сажѣ и улетѣлъ домой, какъ черной воронъ.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

118. [Какъ жена хотѣла взять верхъ надъ мужемъ].

О-днажды жо-нѣ по-надобилась боль-шина надъ мужамъ. О-на, ка-ждодневна у-прекая я-во въ лѣ-нности, ба-ила, ест-либа была о-на бальной, то всё-ба у нихъ въ-дому бы-ло добро (лудше). Этѣмъ наску-чила о-на мужу, ко-торай та-ино отъ ее совѣтывался съ-своимъ кумомъ, што-ба какъ ни-есть про-гнать отъ-нѣе та-кіе дурные мысли. По-совѣто-вались-да-ипоѣхали въ правленья-на совѣтъ; отъ-туды мужъ, во-звратясь домой, при-творился пе-чальнымъ. На-вопросъ жо-ны о-причинѣ э-той мужъ баилъ, што чи-тали въ пра-вле-ннѣ бумагу, жо-намъ быть большимъ. О-на э-таму бы-ла рада, за-ставила мужа съ-перва то-пить баню, а-потомъ по-садила за-ручья жо-рнова ро-зма-ливать хлѣбъ, баила, што о-на не-станитъ тратитъ за-помолъ деньги. Про-шло немного время, начали ту-рить треть (подати), а-тотъ ихей (ихъ) кумъ былъ выѣрнымъ, при-шолъ онъ подъ о-кно кри-чалъ, штоба кума не-сла треть. На э-та о-на баила, што о-на серебро пе-ременитъ на-гумашки и на-другой день при-несетъ треть. По-другой день при-шолъ о-пять кумъ по-дѣюкошка даину кричать, ибра-нить куму, што о-на о-дна только ужъ о-сталась не-плательщица. У-кумы нашої де-негъ нибыло ни-гроша, а-кумъ-та на-стаивая кри-чать, штоба вы-ходила изъ избы ибезъ-ее не-пойдетъ къ-сбор-щнику, а-если до-лга невы-идетъ изъ избы, то придетъ туда, и при-таскаетъ куму за-ослушанье. Ёй не-чево бы-ла дѣлать, про-сила мужа, штоба её с-пряталъ въ-пустой мѣшокъ и по-ложилъ по-дѣлавку, баила, кумъ соштѣтъ за хлѣбъ. Мужъ её у-важилъ, посадилъ въ мѣшокъ да-иположилъ, а-кумъ ско-ра вѣѣжалъ и въ избу, сыскивая ку-му, спра-шивалъ гдѣ о-на, гдѣ о-на. Мужъ съ тачьки была (такъ) съ кумамъ, ука-залъ на-мѣшокъ подѣ-лавкой, кумъ вы-ташилъ яво и-зъ-подлавки, даину по-нѣмъ плетью. Ско-лько доставалось мешку, не-меньше та-во и-кумъ-та, по-хвосталъ на-поряд-кахъ, баилъ, гдѣ о-на, гдѣ о-на, мужъ баилъ, што у-ехала и-скать треть. Кумъ баилъ: „ну мо-лись о-на Богу, то-перъ я изнѣсъ серсо на-мешкѣ, а-каба кума попала, то всюба эту плеть о-её изъ мочалилъ; то-перъ, кумъ, про-шай“, и ушолъ, а-жо-ната и-застонала, и-когда мужъ сталъ ра-звизывать

мѣшокъ, о-на байла, невѣ сенцахъ ли кумъ, а какъ байлъ мужъ што ушолъ, вы-шла и-зъ мѣшка, да-чу-бурахъ мужу въ ноги, байла: „возьми, му-женекъ, на-задъ себѣ большину, я больше байть объ ей не стану“.

Елабужскій у. 1849 г.

119. [О лѣнливой женѣ].

О-дна жона звала мужа на-праздникъ въ-гости къ роднѣ въ со-седную деревню. Мужъ байлъ: „я тебя уважу, по-только спро-сись соседей, вѣ-лять ли о-нѣ те-бѣ ехать въ гости“, на-эта о-на байла: „што имъ за-кручина меня держать“, ну да-исобиратца. Хвать, у жоны нѣтъ переменной ру-бахи, исарофана, та-кто и пла-тка, а-которыя носила на-себѣ за-всегда, были дрянъ дря-нушшая, хотъ трубу за-тыкай, ѣхать въ нихъ была нельзя, стыдна вѣдь, въ гости. Пошла къ-соседкѣ по-просить, а-та ей байла: „сама ты лѣнива, да-сон-лива, хто тебѣ при-пасъ, по-ѣзжай эдакимъ чучаломъ, не-умоей, за-тычковой трубенной, даишшо ивъ-гости, ка-кая не-пряха, за-сона, за-скала лакти(? локти), да-икъ соседкѣ зана-рядомъ, по-ди, поди, непряшиша, засона, лѣнишшо, за-тваю лѣнь, мало тебя мушъ-то взбубетениваетъ. Съ-ѣтемъ отвѣ-томъ ну-ка домой, даи-напечъ; мужъ запрявъ (такъ) лошадь, байлъ: „ну, жо-на, по-скорей“, а-она: „нѣтъ ужъ не-поѣду, ро-здумала“, амужъ байлъ: „што, видно, суседи те-бя неотпу-скають, то-то, жо-на, байлъ я тѣбе, не-ленись, не-ленись, пря-ди, по-меньше спи, вотъ тебѣ ивъ-гости, посидика на печѣ“.

Елабужскій у. 1849 г.

120. Липунюшка.

Жиль-былъ старикъ со старухой; у ихъ былъ сынокъ, Липунюшка. Однова накормила ево мать лепѣшичкамъ, и поѣхалъ онъ рыбачить; а матери наказывать: „ты, мамынька, приди ко мнѣ, принеси поѣсть и рыбу-то возьмешь“.—„Ла-дно, ладно, приду“. И понесла она ему обѣдать. Приходитъ къ рѣчкѣ и кричитъ ему:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка къ бережку; мать его накормила и рыбу у ево взяла. Пошла домой. — „Ну, поѣзжай, сынокъ“. — „Ну, ладно; завтра придешь, а я рыбачить поѣду, больно рыба ловится“.

Если мать кричала Липунюшку, въ тѣ поры егибица (медвѣдица) подслушала ее и пришла на другой день къ бережку и кричитъ толстымъ голосомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

— „Слышу, слышу, сказывать Липунюшка, не мамынькинъ голосокъ“. — „Экой собачій сынъ“, молвила егибица и ушла. А мать опять по скорости послѣ ее идетъ и кричитъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка и говоритъ: — „Мамынька, мамынька! ко мнѣ егибица приходила“. — „Мотрай, ты не ѣздій къ ей, а то она тебя съѣстъ“. А егибица сходила въ кузницу, перекова(ла) свой языкъ на тонкій голосокъ, пришла къ бережку и запѣла тонкимъ голоскомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Онъ и приплылъ. Она ево взяла и утащила подъ елку, да тамъ и съѣла. Вотъ пришла мать и кричитъ Липунюшку, да такъ и не могла докричаться ево. А егибица кататся подъ елкой и причитатъ:

„Поваляться было,
 Покататься было
 На тѣхъ костяхъ
 На Липунюшкиныхъ....
 Ужъ вы, косточки,
 Недоросточки!“

А старуха услышала это, заревѣла и ушла домой, и говоритъ старику: „видно, старикъ, егибица нашего Липунюшку съѣла, потому она поетъ:

„Поваляться было,
 Покататься было
 На тѣхъ костяхъ
 На Липунюшкиныхъ....
 Ужъ вы, косточки,
 Недоросточки!“

— „Такъ пойдемъ, старуха, отрубимъ ей ноги“. Пошли. А егибица спитъ за колодой, а ногу положила на колоду. Пришли старики, отрубили ей ногу и унесли ее домой. Взяла старуха, привязала ногу къ пряхѣ и стала шерсть прясть на зипунъ старику. Идетъ егибица и кричитъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога.
 Недалеко до Филиппова двора...
 Всѣ по селамъ спятъ,
 По деревнямъ спятъ;
 Одна бабушка не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мою шерстку прядетъ,
 Не допрядывать“. ↓

А старуха слышитъ и говоритъ: „старикъ, куды спрячется намъ, вѣдь егибица насъ съѣстъ?“ — „Куды мы спрячемся, старуха“, говоритъ старикъ. — „Ты полѣзай, старикъ, въ трубу, а я полѣзу въ залавокъ“. У ихъ былъ пѣтухъ и спѣлъ онъ: „ку-ку-ре-ку! егибица! старикъ въ трубѣ“. Егибица ево за ноги достала, съѣла да и ушла въ лѣсъ. Идетъ другой разъ за старухой и поетъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога,
 Недалеко до Филиппова двора...
 Всѣ по селамъ спятъ,
 По деревнямъ спятъ;
 Одна бабушка не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мою шерстку прядетъ,
 Не допрядывать“.

Старуха взяла и залѣзла въ залавокъ. А пѣтухъ опять спѣлъ: „ку-ку-ре-ку, егибица! старуха въ залавкѣ!“ — Егибица нашла ее и съѣла.—И стала жить егибица съ пѣтухомъ и валять колпаки. Петру колпакъ, Ивану колпакъ, мнѣ шлыкъ, а тебя подъ воротню швыркъ. Вотъ и вся сказка.

Малмыжскій у., д. Подосиновая. Запис. отъ крестьянки Анисы Григорьевой. 1873 г.

121. Двѣ Марьи царевны.

Пошли двѣ Марьи царевны въ лѣсъ по ягоды и заблудились. Вышли на дорожку и плачутъ: не знаютъ, куды ити. Бѣжитъ зайчикъ и говоритъ: „о чемъ, Марьи царевны, плачете?“ — „Вотъ мы заблудились, не знаемъ домой дороги“. — „Садитесь на меня, я доведу васъ“. Вотъ онѣ обѣ и сѣли на него. Зайчикъ завелъ ихъ неладно и оставилъ.

Бѣжатъ овечки: „бя-бя! О чемъ, Марьи царевны, плачете?“ — „Какъ намъ не плакать: не знаемъ, куды ити“. — „Садитесь на насъ, мы доведемъ“. Бѣжали, бѣжали, завезли ихъ неладно. Опять царевны слѣзли. Сидятъ Марьи царевны и плачутъ: кто насъ теперь домой доведетъ? Бѣжатъ быки. „О чемъ, Марьи царевны, плачете“, говорятъ. — „Мы не знаемъ, куды намъ ити“. — „Садитесь на насъ, мы доведемъ“. — „Мы медвѣдицы боимся: она насъ съ вами съѣстъ“. — „Не бойсь! говоритъ одинъ быкъ, я на нее носомъ фыркну, такъ убѣжитъ“. Сѣли онѣ обѣ и поѣхали. Стала ихъ медвѣдица настигать. Одинъ быкъ фыркнулъ и залѣпилъ медвѣдицѣ глаза. Она и осталась на дорогѣ слѣпая, а дѣвочки, Марьи царевны, благополучно пріѣхали домой.

Малмыжскій у., д. Старые Вакуры. Запис. со словъ кр-ки Авдотьи Лицатовой. 1873 г.

122. [„Въ богатствѣ правды нѣтъ“].

Въ богатствѣ правды нѣтъ. Жилъ былъ плотникъ одинъ; добрый былъ человѣкъ, все раздавалъ нищимъ. Пойдетъ что выработаетъ, и отдастъ имъ: „на-те, дескать, мнѣ не нужно“. Вотъ ладно. Святые отцы и просятъ у Господа: „дай, говоритъ, Господи, плотнику богатство“. Не знали, вишь, они, что будетъ, а Богъ вѣдь все это знаетъ; отъ Него не сукроешься. Ладно. Сидитъ плотникъ на бревнѣ; тукъ да тукъ—анъ хватъ деньги и посыпались изъ бревна-то. Онъ сейчасъ подобралъ ихъ, богатымъ сдѣлался... въ Москву сичасъ, товаровъ разныхъ накупилъ, торговать сталъ; ну, и вѣстимо, домъ себѣ такой смахалъ, что, пожалуй, и у насъ въ Орловѣ не отыщешь. Только и приходятъ къ нему святые отцы. А у него у воротъ-то стоятъ, чтобы нищихъ никого не пропускать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, Божья сила тоже. Вотъ ладно. Они тутъ къ хрестьянину одному, что богачу прислужалъ. „Пустите, говоритъ, насъ переночевать; такъ и такъ, люди странные, издалека зашли“. — „Нѣтъ, говоритъ, нашъ господинъ не любитъ нищихъ, взащей васъ прогонитъ. А, вотъ, коли хотите, ложитесь здѣсь, въ клѣвѣ, со свиньями“. Встали какъ святые отцы на-утрѣ да и взмолились Господу: „Господи, говорятъ, отними у него богатство“. Ну, и отнялъ Богъ, послушалъ ихъ. Онъ опять въ плотники пошелъ, милостивъ опять сталъ къ нищей братіи и такъ и прожилъ весь вѣкъ.

Орловскій у., деревня Торопова. 1882 г.

123. [Какъ мужикъ перехитрилъ чорта].

Увидалъ дѣшій мужика да и говоритъ: „поклонись мнѣ!“—„Нѣтъ, говоритъ, ты мнѣ поклонись сперва“. Чортъ и говоритъ: „ладно, только допрежь силами помѣримся, кому кланяться нужно“. Ну, вотъ хорошо. Чортъ взялъ чурку да какъ бросилъ — она такъ въ облако прямо и полетѣла да тамъ и засѣла. — „Ну, это, говоритъ (мужикъ), что! нѣтъ, ты вотъ посмотри, какъ я брошу—у меня въ небѣ засядетъ“.

Только замахнулся онъ да и бросилъ тихонько за себя. Чортъ глядитъ, куда это полетѣла чурка; глядѣлъ, глядѣлъ, — нѣтъ ея, нигдѣ не видить. — „Ну, говоритъ, ты, мужикъ, сильнѣе меня“. Такъ и ушелъ изъ нашихъ мѣстъ; больше ужъ и не видать его съ тѣхъ поръ.

Орловскій у., д. Торопова. Зап. со словъ кр-на Александра Торопова. 1882 г.

124. Откуда медвѣди пошли.

Жилъ былъ злой помѣщикъ, у него была жена тоже злая. Они всячески у крестьянъ денегъ добивались, казнили ихъ. Крестьяне боялись ихъ пуще огня, бѣгали, какъ увидятъ ихъ. А имъ все мало было. Вотъ помѣщикъ и говоритъ женѣ: „жена, а жена! А какъ бы намъ сдѣлать, чтобы мужики насъ еще больше боялись и денегъ больше давали“? А жена и говоритъ ему: „давай сдѣлаемся звѣрьми, какихъ люди еще не видывали“. Вотъ и сдѣлались медвѣдями. Хорошо. Живутъ въ лѣсу. Вотъ и пошелъ туда одинъ мужикъ за ягодами да и увидалъ ихъ. Испужался очень, бросилъ коробицу, бѣжить въ деревню: „такъ и такъ, говоритъ, православные, видѣлъ въ лѣсу какихъ-то звѣрей; ходятъ на заднихъ лапахъ, малину сосутъ“. Мужики испужались. Уговорились идти въ лѣсъ, всей деревней посмотреть, каки-таки звѣри есть. Пошли и видятъ, медвѣди залѣзли на дерево, а тамъ бортъ была; къ меду, значить, они подбирались. Какъ увидѣли тутъ ихъ крестьяне, такъ и назвали ихъ медвѣдями: медъ, значить, вѣдаютъ.

Г. Орловъ. 1882 г.

125. О томъ же.

[Золотая рыбка].

Медвѣди допрежь того были такіе же православные люди, какъ вотъ мы съ тобой. Жили, вишь-ты, въ одномъ селеньи дѣдъ да баба; жили они бѣдно-бѣдно. Домъ былъ у нихъ развалющій, коровки совсѣмъ не было, на дворѣ вѣтеръ гуляетъ. Только вотъ пришла зима, холодъ пошелъ, сиверко,

а у нихъ и дровъ нѣтъ. Только беретъ тутъ мужикъ топоръ и въ лѣсъ. „Дровъ, говоритъ, наколю, протопиться, по крайности, будетъ чѣмъ“. Пошелъ. Только кололъ, кололъ и подходитъ къ березѣ одной — бѣлая такая, заколдованая была. Тяпъ да тяпъ по ней, а береза и говоритъ ему: „за чѣмъ ты меня, старичекъ, рубишь? раѣ мало здѣсь деревъ другихъ?“ — „А ты, говоритъ, что за барыня? У меня всѣмъ деревьямъ честь-то одинаковая, что тебѣ, что сосенкѣ“. И опять тяпъ да тяпъ. — „Не руби меня! право слово, говоритъ, службу тебѣ сослужу, какую хошь службу... Скажи только, чего хочешь, все тебѣ и будетъ“. — „Ладно, говоритъ. Коли ты ужъ такая добрая, такъ не оставь, сдѣлай милость, дай мнѣ богатства, лопотн тамъ, денегъ. А то я совсѣмъ бѣдно живу, нѣчѣмъ ни одѣться, ни что“... Береза и говоритъ: „поди домой, будетъ тебѣ богатство“. Вотъ пошелъ. Хватъ, анъ домъ-ать у него новый, на дворѣ то кони, а на крылечкѣ то жена разнаряженная сидитъ, дожидаетъ его изъ лѣсу. Вотъ ладно. Живутъ они хорошо, ѣдятъ, спятъ сладко. Только и думаетъ дѣдъ: „вотъ я теперь богатъ, ѣмъ, сплю сладко, а все какъ-то не то... почету мало, не то что старостѣ. Дай пойду къ березкѣ, не будетъ ли отъ нея чего!“ Взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ, тяпъ да тяпъ по березѣ. А она его и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“ — „Да вотъ, говоритъ, пришелъ къ тебѣ; соскучился на богатствѣ. Оно и все бы хорошо, да почету мало. Нельзя ли стать мнѣ старостой?“ — „Можно, говоритъ, отчего же. Поди домой, будешь старостой“. Пришелъ — анъ тамъ ужъ бумага лежитъ: быть ему старостой. Хорошо. Много ли, мало ли прошло, только и мекаетъ дѣдъ: лучше быть господиномъ; господа то ничего не дѣлаютъ и податей не платятъ. Онъ къ женѣ, — какъ тутъ быть. Подумали вмѣстѣ, подумали да и рѣшили идти опять старику къ березѣ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ, топорикъ съ собой взялъ. Приходитъ къ березѣ, тяпъ-тяпъ по ней. Она и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“ — „Да вотъ, кормилица, не хотца мнѣ быть старостой, простымъ мужикомъ. Сдѣлай ты меня дворениномъ“. — „Ладно, говоритъ. Поди домой, будетъ тебѣ и дворянство“. Пришелъ мужикъ домой, глядь, — анъ домъ-отъ у него господской, каменной; у воротъ слуги стоятъ, спрашиваютъ: „чего угодно?“ А жена сидитъ въ горницѣ, шелкъ да бархатъ на ней. Онъ

сѣлъ съ нею рядомъ, и стали они барамн Вотъ хорошо. Проходитъ, можетъ, мѣсяцъ, али другой. Не хотца старику дворяниномъ простымъ быть; чина захотѣлось. Идетъ опять въ лѣсъ къ березкѣ. — „Такъ и такъ, матушка-березушка, спасибо тебѣ за все. Только нельзя ли мнѣ быть чиновнымъ?“ — „Ладно, говоритъ, будетъ тебѣ и чинъ. Ступай себѣ домой“. Не успѣлъ на порогъ ступить, приходитъ царевъ указъ: награждаетъ его царь чинами. Но ему и этого мало. Захотѣлось быть губернаторомъ. И пошелъ опять къ березкѣ. Она и спрашиваетъ: „что ты, старичекъ?“ — „Надоѣло, говоритъ, мнѣ дворянство: все губернатору кланяйся. Хочу быть самъ губернаторомъ“. — „Трудно это сдѣлать. Ну, да ужь ладно. Поди себѣ; будешь и губернаторомъ“. Радъ мужикъ, домой трускомъ бѣжитъ. Хватъ, а тамъ ужь гонцы отъ царя къ нему присланы. Ставить его царь губернаторомъ. Зажилъ мужикъ губернаторомъ, пиры, банкеты задаетъ, дѣлами ворочаетъ. А все скушно, потому у царя подъ рукой. — „Нѣтъ, говоритъ, пойду опять къ березкѣ. Пусть царемъ меня сдѣлаетъ“. Пошелъ. Тяпъ-тяпъ ее топоромъ. Она и спрашиваетъ: „что ты, говоритъ, дѣдушка? чѣмъ недоволенъ?“ — „Да все бы хорошо. Спасибо тебѣ, наградила всѣмъ, въ чины вывела. Только не хотца мнѣ быть губернаторомъ; нельзя ли въ цари попастьъ?“ — „Что ты, говоритъ, опомнись“, — „Всѣмъ тебя я ублаготворила, а ты все хочешь еще да еще. Ты подумай только, что былъ мужикомъ, дрова кололъ, а теперь губернаторъ сталъ. Будетъ съ тебя, а царемъ тебѣ нельзя быть, потому какъ царь — помазанникъ“. — „Нѣтъ, говоритъ, ты ужь меня сдѣлай царемъ, матушка-березушка. Я тебѣ въ ножки поклонюсь“, и бухъ въ ноги. Береза и говоритъ: „смотри, не проси: и останное потеряешь“. А дѣдъ все просить, не унимается, по землѣ ползаетъ: „сдѣлай да сдѣлай меня царемъ!“ — „Ну, ладно говоритъ, коли ужь вы такіе, такъ вотъ вамъ—ты будешь медвѣдемъ, а жена медвѣдицей. И ходите вы по лѣсу отнынѣ до-вѣку“. Такъ и сталъ мужикъ съ бабой медвѣдями. А кабы не жадны были, и вѣкъ бы людьми, православными были бы.